

Владислав КИТИК

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

**Александр Мелихов. Тризна. М.: Эксмо, 2020. — 352 с. —
(Большая литература. Проза Александра Мелихова).**

История поколения, входившего в жизнь в эпоху застоя и подводящего итоги своей жизни в нашем, новейшем времени. История поколения через судьбы интеллигентов-«физиков», их идеалы, идеи, чаяния, надежды. Роман трехчастный. Первая часть —

НЕВА 1'2021

Крайний Север, где молодые, талантливые, амбициозные студенты строят новаторскую заполярную ферму — коровник. В многонациональном студенческом отряде намечаются линии жизни каждого, обозначаются интересы, мечты, ожидания. Задает верхнюю планку мечтаниям главный герой романа Олег, уверенный, что первенствующее назначение человека — оставить свой след в Истории. Есть желания и попроще: приземленно-материальные, карьерные, потаенные — попасть в Америку. Еще глубоко под спудом дремлют будущие конфликты, вызревают, чтобы вскоре потрясти всю страну. Никогда не обсуждали в отряде отца Тараса, отца, расстрелянного как бандеровца, решили: «было какое-то всеобщее умопомрачение, в котором не разберешься, лучше и не ворошить». Много позже лицо Тараса мелькнет на экране телевидения в репортаже с Майдана. Неожиданным для всех станет откровение казаха Бахыта в ходе студенческой пьянки-диспута: «Вы распахали наши лучшие пастбища. Наши легкие круглые юрты вы оттеснили своими тяжелыми квадратными избами. Все, что дарило нам гордость, вы сделали смешным — наши стада, нашу пищу, наш язык, наши песни, нашу красоту». Антагонистами являются еврей Боярский и Мохов по прозвищу Крестьянский Сын: для первого священно слово «интеллигент», второй верит только в народ и в то, что «сколько народ не плющи, а рано или поздно он вернет себе свою природную форму». «Белой вороной» выглядит Мохов в коллективе, где романтично и прекрасно все, что связано с Америкой. Сквозь призму Джека Лондона воспринимает Крайний Север Олег: Клондайк, Юкон, мустанги, бледнолицые покорители фронта, давний сон — Доусон, а сами названия американских штатов звучат как музыка. Для большинства Америка — это страна невиданных свобод, там разрешено все, что запрещено в СССР. Латаные-перелатаные, линиялые-перелинялые, но фирменные американские джинсы носит Гэк-Гагарин. «И за эту рванину ты две стипендии отдал? В Америке, тсамое, такие в тюрьмах выдают, а ты за них последние деньги готов выложить!» — возмущен Мохов. Но, несмотря на споры, пока это скрепленное Севером студенческое братство. И когда в Москве, во время кутежа, затеянного перед тем, как в Питере начнется взрослая жизнь — с занудством, с обязанностями, с начальством, Олег утратил все заработанные деньги, друзья сбросились, чтобы возместить пропажу. Вторая часть романа — рутинное прозябание Олега в НПО под руководством слепого академика Обломова, гения, собиравшего в единый кулак все науки со всеми практиками для проведения разработок широкого диапазона применения. Вместо проблемы Легара, которую Олег хотел решить, он вынужден заниматься вопросами управления собственным предприятием, быть «счетоводом», шестерить на Обломова, утешая себя тем, что «историю творят гении! А кому, как ты выражаешься, повезло при них шестерить, они тоже в этом участвуют! И тоже становятся большими людьми!» Финальная часть романа: подведение жизненных итогов теми из героев, кто собрался на похороны академика Обломова. В исповедальных рассказах о себе как о некоем художественном образе линия судьбы переплетается с глубинными внутренними переживаниями. И оказывается, что мечты, как правило, сбываются не в том виде, как мы себе их представляли. Что Америка юношеской мечты совсем не похожа на всамделишную, о чем знают живущий там Боярский и побывавший там Бахыт. Что антисемитизм в СССР имел странные нюансы: именно «антисемит» Оболомов хлопотал за сына Боярского, чтобы тот поступил на факультет, и дал рекомендацию, своего рода проходной билет в американскую науку самому Борису, уезжающему в США. Рассказы демонстрируют и то, чем идеологические комплексы родителей оборачиваются для их детей. Так, оплакивая жертвы 1937 и 1949 годов, «выдавливание» черкесов на «плоскость» или в Турцию в 1863 году, Боярский и его жена Фатима не заметили, как психологическая нагрузка от бесконечного «плача» привела их сына к суициду. Итог своим мечтаниям подводит и Олег, грустно констатирующий, что он «шел на зов

Истории вслед нашему учителю, но все свои мечты и дарования пустил по ветру, всю жизнь служил чужому озорству». Но у Олега есть и то, чем с друзьями он не делится, — написанная им исповедь террориста 70-х годов XIX века, умножающая сущностные идеи, которыми Александр Мелихов щедро насыщает свой роман. «Красиво все, позволяющее нам ощутить, что мы есть нечто большее, чем наше тело. Жажда хотя бы призрачного бессмертия и порождает и религию, и искусство, и любовь, и политические химеры, — все это бегство от бренности». А. Мелихов точен в бытовых деталях, в антураже, воспроизведении атмосферы разных времен, в диалогах, репликах. Так, удушливая атмосфера времен застоя выразительно передается разочарованием Олега от посещения выставки неофициальных художников, религиозно-философского кружка. Судьбы второстепенных персонажей, при всей индивидуальности их характеров, типичны для нашего времени: заключение за мухлеж со строительными нарядами, работа охранником в метро, Донбасс... Точно нащупаны все болевые точки нашего времени. А. Мелихов — один из немногих писателей, который не ставит вопрос «Кто виноват?», а отвечает на вопрос «Что делать?». Бахыт, крупный ученый, востребованный и в России, и в США, и на родине, выступает за необходимость объединения русских и казахов, народов, второстепенных в глазах просвещенного Запада. Дело Обломова продолжает Мохов, он считает, что «мы должны браться за какие-то неслыханные грандиозные проекты, и неважно, выполнимы они или невыполнимы. Главное, что выковывают такие проекты — люди. А почему бы не добыча метангидрата из вечной мерзлоты. Для начала это дало бы смысл нашему присутствию на Крайнем Севере». Единственная национальная идея, которую бы поддержал Олег, — производство гениев. Высокую оценку роману А. Мелихова дало писательское сообщество. Вот одна из них: «Последнее творение Мелихова счастливо сочетает в себе основательность советского производственного романа, лихость западного боевика и вестерна, страстность и высокую художественность русской классики: все сошлось здесь в бешеном хороводе, из которого не вырвешься, пока не кончится этот роман. Его, безусловно, можно поставить в ряд самых больших литературных событий всех времен» — В. Попов.

Вера Френкель. Многоточия. Иерусалим: Лира, 2020. — 127 с.

В литературной среде Вера Федоровна Френкель (1929—1974) была известна как переводчик стихов и прозы с североевропейских языков. Со шведского — Ю. Вексель, с польского — Т. Ружевич, с немецкого — Р.-М. Рильке, Э. Мерики... Поэтом был родной брат ее матери д'Актиль (настоящее имя Анатолий Френкель), автор знаменитых песенных текстов «Марш Буденного», «Марш энтузиастов», «Все хорошо, прекрасная маркиза». Стихи В. Френкель начала сочинять с тринадцати лет, но о том, что она пишет стихи, мало кто знал. Когда ее не стало, два близких человека, разбиравших ее архив, нашли записку: «Все сжечь». Письма они уничтожили, а рукописи, тонкую, своеобразную лирику — не смогли. Публикации, посвященные В. Френкель, отдельные ее стихи стали появляться в Интернете и в периодике лишь в последнее время. «Многоточия» — первый сборник В. Френкель. В книге три блока, три цикла стихотворений (как это было и в рукописях поэтессы), разные по тематике. Блок «Дожди. Книга городских пейзажей» (1958—1961) — это гимн родному городу Ленинграду, где «небо иссиня-черное и везде / пеплом подернуто, а у моста — / желтовато, / стеклянно / блестит / вода по-лунному, / но не взойдет / звезда: / в этом городе / быть звездой — / не просто». Где «на любителя — погода... / Головой касаешься небосвода — / задеваешь серый тяжелый / полог... / зато на земле уют... / Распрямляются голые ветки, когда струи / бьют». В. Френкель изощренно-чутко воспринимает и передает особую, в многообразии цветов и оттенков воздушную ткань города на Неве, которую тклет

дождь. «Он струится сплошной завесой, / жемчужной или белесой; / переливаясь, бормочет, / рассеян и сосредоточен; / сиреновой тянется стенкой, / меняя оттенки; / даже скромный, несмелый, / дождик осенний, серый, / так и сияет внутренним — розовым — светом. / А часто и цвета у света / нету.../ Чтобы ввек оставаться юным, / этот город / с дождем задуман». Массу тончайших нюансов привносит в Ленинград осенний снег: «Листья / стали стеклянными / и звенят.../ Заливаются / под ногами / тонкими / багряными / голосками, / не заглушенными синевато-белым / снегом — незрелым...» «В этом городе вечно / что-то падает с неба. / Капли падают. — Не дождя и не снега — / влажные капли света». Свет — ключевое слово в стихах о городе на Неве, которому так идет и дневной сероватый свет, и святящийся белый, и сиреневые сумерки, и «серебристо-красное / освещение, / бледный жалкий / кружок: / это солнце... сжалось в комок и плывет / против течения / неба». Нева, что в белую ночь отталкивает толщею ладоней свет, и он не тонет; идущий к вечеру февральский день, когда «крыши, розовые от снега, / а напротив — дымится небо», и зима в Ленинграде, когда вместо дней — зимние белые ночи. И мир, залитый приглушенным и нежным солнечным светом, «гимн свету»: «Лета! / Света! / — Я мечтаю о всяком свете: / пусть он утром / под мостами привычным горит перламутром, / ночью — невидимкой / дымится / как плащ, развеваемый ветром!» Такой вот необыкновенный, сказочно-прекрасный в разных обличьях, пронизанный светом Ленинград В. Френкель. Он не статичен, он живой. «Канал Грибоедова: зеленая бутылочная тьма. / Колеблются, / колышутся дома. / Меняя вид, меняя выраженье. / Так движутся / с сознанием отраженье». Цикл «Роковые силы» (1959—1964) — это о том, как выжить человеку в мире, далеко не всегда доброжелательном, когда «жизнь проходишь, как по этапу.... Из боли в боль.../ С пресловутой иглой — / в сердце». Как ранимую душу превратить в «душу замкнутую, / закрытую — / из гранита. / (Серого с жилками....) / Красотой незыблемости / гордиться.../ (И годиться на пьедесталы...) / Можно душу еще — / из стали.../ все же лучше, / чем человеческую... / Сколько не колют — / напрасный труд / (стоит ли? — / нет / боли...), / не попадут / внутрь, / если и плюнут, / или — еще хлеще — / оклеветают / (до неузнаваемости)». И вот так, совсем лаконично: «Безнадежная нежность. / Не иначе / порастет кувшинками, / как стоячий / пруд... / А вот тут-то и кинут / камень...» Блок «Горушки» (1960—1964) и циклы «Пушкинские Горы», «Псков», «Валдай», «Новгородская земля», «Владими́ро-Суздальская Русь» — это выход поэта в большой мир, когда острота восприятия текущего момента усиливается погружением в отдаленные времена. «А с горы — / колокольный звон, / а под ней река — / великая. / Корабли изгибают шеи, / золотые, красные, / окружая / крепость / со всех сторон» («Воронич»). В эпоху все еще воинствующего атеизма В. Френкель влекли к себе монастыри, церкви, монашествовавший люд. Надо иметь недюжинную прозорливость ума и сердца, чтобы в безбожную эпоху написать: «Собор, / приподнимающий / крыла / столетия, — / защитной — / головой могучей / недвижимо удерживает тучи / сгустившегося / векового зла. / Клубиться / сотрясающий их гром, / Земля стоит спокойно / под Крылом». Когда-то в предисловии к невышедшему сборнику стихов В. Френкель поэт С. Петров (1911—1988) отдал должное мастерству поэтессы: «Внешне ее стихи похожи на верлибр: отсутствие строфики и строгого метра. Но это отнюдь не верлибр. Верлибр, особенно современный, чурается мелодики и рвется к разговорности, а стихи Веры Френкель, напротив того, обладают мелодичностью, и сама разговорная интонация в них остается музыкальной. Кроме того, есть в стихах и новшество, которое можно назвать блуждающей рифмой. Рифму Вера Френкель ставит произвольно (это не означает — неумело!) в любом месте стихотворной строки. Это примета именно ее стихов, ибо в русской поэзии такая блуждающая рифма как постоянный прием никогда не применялась, да и в мировой лирике я знаю только одного поэта, который систематиче-

ски пользовался блуждающей рифмой». Заповедными стихами назвала стихи В. Френкель ее подруга, профессор немецкой литературы Н. Гучинская. Тихий голос, пристальное всматривание и вслушивание, неожиданные ракурсы. Многие стихи обрываются многоточием...

Юрий Зобнин. Николай Гумилев и поэты русской эмиграции. СПб.: СПбГУП, 2020. — 720 с.: ил. — (Труды Университета).

Юрий Зобнин, специалист по культуре Серебряного века, в период перестройки активно участвовал в процессе реабилитации имени Гумилева, фактически был одним из первооткрывателей его творческого наследия, полностью запрещенного в советское время. Под редакцией Ю. Зобнина вышли восемь томов Полного собрания сочинений поэта. В книгу включены две монографии. Первая из них, «Николай Гумилев — поэт православия» — необычный труд. Ее стиль на первый взгляд далек от научного: автор рассказывает о своих детских и юношеских впечатлениях, об особенностях бытования имени и стихов поэта в советское время в литературоведении и в жизни. Удивительно, но стихи поэта, чье имя в СССР было под запретом, стихи, что в течение полувека не публиковались в родной стране ни разу, цитировали на память все: от учеников рабочей школы до президента Рейгана на трибуне Московского университета. Не особенности биографии, не поэтическое мастерство, не экзотические темы (а все это также является предметом исследования в данной книге) сами по себе обусловили «феномен Гумилева» в русской культуре XX века, считает Ю. Зобнин. И поясняет, в чем тайна притяжения стихов Гумилева. «Если проблемы симфонии искусства и религии оказывались в центре творческих исканий художника, тем более — разрешаемые каким-то позитивным образом, если идейно-философская содержательность его произведений, их поэтическая „терминология“, образный строй были жестко ориентированы на конкретную богословскую традицию, свойственную какой-либо исторической конфессии, тем более, если таковой было православие, — в этом случае художник мог рассчитывать на иступленную, жертвенную любовь читателей, сотни и тысячи копий своих произведений, гуляющих по стране, на заучивание их наизусть, на подпольные чтения, на армию добровольных хранителей-энтузиастов, отслеживающих любое архивное движение и строго контролирующих сохранность наследия для потомков — а также на тотальный запрет со стороны властей, все мыслимые и немыслимые провокации в свой адрес, уничтожение тиражей, яростное преследование». Гумилев и сам считал, что главное в его творчестве — симфония религии и культуры. Свое личностное кредо он определял так: «Я традиционалист, монархист, империалист и панславист. У меня русский характер, каким его сформировало православие». Ю. Зобнин прослеживает эволюцию поэта, нашедшего в себе силы порвать с декадентством, удержаться от «богословских изысканий», от мистицизма и, дойдя на рубеже 1907—1908 годов до полного духовного банкротства еще целый год мучительно выкарабкиваться из-под обломков рухнувшего «лживого храма». После того как он преодолел «декадентский соблазн», состоялось подлинное «воцерковление» поэта. Создание акмеизма значило для Гумилева нечто большее, нежели основание очередной литературной группировки; это был разрыв с безблагодатным, антихристианским творчеством, подлинный этап в духовном становлении поэта. Своеобразие образа «акмеиста» Гумилева Ю. Зобнин объясняет православной воцерковленностью поэта и сознательной ориентацией на эстетику религиозного искусства. Мировоззренческая целостность, внутренняя гармония души, к которым пришел Гумилев, редко встречались в кругах творческой интеллигенции Серебряного века. Исследования Ю. Зобнина в области поэтики Гумилева имеют новаторский и фундаментальный характер. Христианские, православные мотивы в твор-

честве поэта и при его жизни в критике Серебряного века, и в последующие годы не привлекали к себе особенного внимания. Автор проводит разбор произведений поэта на предмет христианской образности, новозаветных метафор, православной сотериологической символики, привлекает обширный богословский материал, святоотеческие труды. Ученый совершает ряд текстологических открытий, дает блестящий комментарий к таким стихотворениям, как «Заблудившийся трамвай», «Открытие Америки», «Падуанский собор», «Адам», «Потомки Каина», «На путях зеленых и земных...», «Душа и тело» и многим другим. В конечном итоге приходит к выводу, что «духовный и творческий облик Гумилева — человека, художника и мыслителя — не исчерпывается его православностью, но организуется ею». Исследование русской литературы первых десятилетий XX века ученый продолжает во второй монографии «Поэзия белой эмиграции: „Незамеченное поколение“». Ее герои — представители русского зарубежья, старшее поколение поэтов-эмигрантов (З. Гиппиус, К. Бальмонт, В. Иванов, Г. Иванов, И. Северянин), что уже состоялось у себя на Родине как поэты, и новое поколение, молодое, что складывалось уже в эмиграции. От поэзии Серебряного века («Обанкротившиеся пророки, или Как умирал Серебряный век») автор переходит к поэзии «незамеченного поколения». «Незамеченное поколение» — это те, чей литературный дебют совершился в эмиграции, а расцвет творчества пришелся на период между двумя мировыми войнами. Одинаково оценивая свое эмигрантское бытие как несчастье, старшее и младшее поколения русских литераторов—эмигрантов переживали это несчастье по-разному, разные настроения царили в эмигрантской среде в Париже и в Берлине. Духовными вождями русской эмигрантской поэтической молодежи стали Г. Адамович и В. Ходасевич. Ю. Зобнин подробно рассказывает о деятельности и участниках «Парижской ноты». Это объединение под эгидой Г. Адамовича стало организационной структурой, спланировавшей раздробленную молодую литературу русского Парижа. Противостояли ей две другие парижские поэтические группировки — детище Ходасевича «Перекресток» и «Кочевье» М. Слонима. В Праге русскую молодежь объединял «Скит поэтов». Ю. Зобнин прослеживает жизненный путь — чаще всего трагический — сформировавшихся в эмиграции поэтов, анализирует их стихи. Б. Поплавский, Ю. Терапиано, Д. Кнут, Ю. Мандельштам, А. Штейгер. Л. Червинская, А. Ладинский, В. Корвин-Пиотровский... Стихи поэтов «незамеченного поколения» в России стали известны лишь в конце XX века. В заключительной главе Ю. Зобнин рассказывает о жизни и творчестве тех, кто вошел в поэзию в 30-е годы, это А. Присманова (первая книга издана в 1937 году), А. Гингер, В. Пиотровский.

Валерий Байдин. Древнерусское предхристианство.

СПб.: Алетей, 2020. — 352 с.

Культуролог, доктор славянской филологии Валерий Байдин, используя данные языковедения, археологии, этнографии, палеоастрономии, истории религии и культуры, восстанавливает в общих чертах «древнерусскую картину мира». Это исследование противостоит современным «неоязыческим мифам» и застарелой недооценке древнерусской дохристианской культуры, предвзятым взглядам на древнерусское язычество, ведущим к ошибочным выводам, например о человеческих жертвоприношениях в восточнославянском язычестве. Именно В. Байдин ввел понятие «древнерусское предхристианство», суть которого в сознательном сближении праотеческой «религии кресения» с православием. Древняя родовая вера в крес — освобождение души от тела и ее новые воплощения в жизнях потомков — органично сменилась чаянием воскресения неповторимой человеческой личности. В книге сделана попытка восстановить в общих чертах «символ веры» древних русов и их представления о прекрасном. Рассматривает-

ся многовековой путь проторусов от свирепого культа «богини-матери» к поклонению «медведице-матери», а затем к единобожию. Суть единобожия прарусов заключалась в почитании незримого, светоподобного бога, ежегодно возрождающего солнце, природу и людской род. Таким богом был Сварог-Род. В понимании русов, он породил весь окружающий мир, сотворил первого человекоподобного медведя — первопретка людей, продолжил зачинать их жизни, а после смерти принимать в ирии души. Языческое многобожие русов, по мысли автора, — миссионерский миф, различные «имена богов» (Даждьбог, Стрибог, Хорст, Ярило) являлись лишь величаниями Сварога, подобно тому как в христианстве к Единому Богу относятся имена Иисус, Христос, Господь, Творец, Спаситель, Вседержитель, Судия. Унаследовав солнечную религию индоевропейцев, проторусы и их потомки стали объяснять оживание природы после зимнего умирания кресильной, кресной силой, исходящей от Сварога. Сложное взаимодействие древнерусского язычества и христианства началось за несколько веков до Владимирова крещения Руси. О существовании предхристианства и его влиянии на русское православие свидетельствуют скрытые солнечные вехи народно-церковного календаря, воскресительные обряды Радоницы, Семика, Купалы. В. Байдин реконструирует дохристианские календари восточных славян: медвежье коло (древнейшее трехчастное деление года), солнечное коло, древнерусский «женский календарь». Он переосмысливает утвердившуюся в отечественной культурологии теорию двоеверия. Существование внутри русского народно-церковного календаря двух кругов праздников, строго христианских и земледельческих, он объясняет не «двоеверием», а стремлением примирить праотеческую и «греческую» веру, соединить жизнь «Божьего мира» с жизнью Церкви. Многовековой поиск единства был прерван гонениями в XVI—XVII веках против «нечестивых» народных обрядов. Но унаследованное от предков набожное следование за «небесным течением» времени было перенесено на церковный календарь, который стал восприниматься как незыблемая святыня. Народно-церковный календарь, сложившийся на протяжении IV—X веков, вобрал в себя и дохристианские, и православные праздники. Дни летнего и зимнего солнцестояний, весеннего и осеннего равноденствий являлись главными праздниками древних русов. В. Байдин показывает, как церковные праздники соединились с основными вехами движения солнца, как символизм православного календаря совмещается с солнечным коло, подробно рассматривает круг праздников: обряды, обычаи, символы, используемые предметы, утварь. Масленица, отмечающаяся в дни весеннего равноденствия как начало творения, нового круга, «новый год». Радоница (на сороковой день после равноденствия) увязывается с христианской Пасхой. Таинства Купалы. Осенние обряды поминания предков (их вероятное название Кровы, Покрова, Покров) обрели в христианском празднике Покрова Богородицы новый смысл. Самый почитаемый праздник — Коляда, с которого начиналось возрождение солнца. Автор доказывает, что о предхристианстве свидетельствуют не только особенности церковных обрядов, скрытые солнечные вехи народно-церковного календаря, но и неведомая Византии огненная символика храмов и священных орнаментов. Творения русского средневекового искусства разительно отличаются от византийских канонов. Золотые костровидные купола, ярусы пламевидных закомар, многоглавие и шатровые кровли, где православные зодчие переосмыслили яркую свето-огненную образность купальских таинств. Высокий иконостас и «знаки святости» на иконах, восьмиконечный «русский крест», древние обереги. Древнерусские символы в орнаментах на одежде, на бытовых предметах, в вышивках, росписях, в женских украшениях, их значение. В. Байдин рассматривает происхождение этнонима рус, рось как еще дославянское. Никаких заезжих гостей, передавших свое имя народу, на землю которого явились. Ответ он ищет среди этнонимов, гидронимов, топонимов. И считает, что прарусы пришли с Поднепровья на Среднее Поволжье, вступили во взаимоотношения с другими народами, сохранив свой родной язык, и именно потомки поволжских русов,

русью, начали объединение восточнославянского мира, вернулись и в междуречье Дона и Днепра. В отдельных главах рассмотрены вопросы создания русского государства, крещение Руси, враждебные отношения Руси и Византии, отстаивание Русью своей независимости от Византии. И древнерусские летописцы с явным умыслом объединили «заморских» варягов и славяноязычную Русь, тем самым подчеркивая единство страны, военную мощь государства, возникшего без участия греков, и полную независимость от них правящей династии Рюриковичей. В. Байдин воссоздает яркий, своеобразный, духовно богатый мир древности. Естественное развитие русской цивилизации, считает он, было прервано кровавым Расколом. В середине XVII века терпеливое преодоление язычества сменила невежественная борьба со всей народной культурой. Надлом веры, оторванной от древних, византийских и русских соков, привел к жесточайшим потрясениям. Но забытое слово крес осталось в глубинах народного сознания, и в древней культуре, древней вере скрыта тайна необычайной жизнестойкости русской цивилизации, ее многократных «воскрешений» после смертельных испытаний.

**Российские корабли, отличившиеся на Тихом океане (по рисункам
А. Карелова и материалам журнала «Морской сборник»).**
Сост. И. А. Смирнов. СПб.: Родные просторы, 2020. — 84 с.

История русского освоения Дальнего Востока через историю 38 кораблей. Технические характеристики, строители, место постройки, командиры, послужной список судна, его назначение, походы и достижения, судьба корабля. Начинается эта своеобразная краткая энциклопедия с рассказа о сибирском кочевье. Именно с этих парусных суденышек, создаваемых российскими поморами в XVI—XVII веках, начиналась история освоения восточноазиатского побережья Тихого океана. Именно на таких кочках 20 июня 1648 года из Нижнеколымска по Северному Ледовитому океану отправилась «для промыслу» партия охотников в составе 90 человек. Из шести кочек только одному, руководимому С. Дежнёвым, удалось достигнуть конечного пункта экспедиции — реки Анадырь, впервые пройдя проливом между Азией и Америкой. В XVIII—XIX веках идет целенаправленное освоение и изучение далекого края. Первое русское научно-исследовательское судно, бот «Святой архангел Гавриил», заложенное в Нижне-Камчатске в апреле 1728 года участниками Первой Камчатской экспедиции под командой капитана I ранга В. Беринга, уже в июле 1728 года ушло на север через море, названное впоследствии Беринговым. Судьба экспедиции трагична. Судно потерпело аварию у острова Авача, В. Беринг и почти половина экипажа умерли от цинги. Под руководством красноярского казака С. Стародубцева из материалов полуразрушенного пакетбота был построен гукор «Св. Петр», и 40 человек из 71 сумели вернуться в Петропавловск. В 1828 году, спустя 100 лет, по предложению Ф. Литке именем судна названа бухта в Беринговом море. Строительство судов для дальних плаваний с адресным назначением продолжилось в Охотске, в Финляндии, в Санкт-Петербурге. Экспедиционное судно «Паллас» предназначалось для Северно-восточной географической экспедиции 1785—1793 годов. Бриг «Рюрик» (1815) — для первой в России кругосветной научно-исследовательской экспедиции под руководством О. Коцебу. Чуть раньше в Англии русским правительством для первой кругосветной экспедиции были приобретены шлюпы «Надежда» и «Нева». 7 августа 1803 года они под руководством И. Крузенштерна и Ю. Лисянского вышли из Кронштадта. Предстояло найти наиболее выгодный торговый путь между портами Балтийского моря и русскими факториями на Аляске, а также доставить в Японию посольство во главе с Н. Резановым. В 1852 году из Кронштадта в кругосветное путешествие отправился фрегат «Паллада». Секретарем экспедиции был И. Гончаров, его книга «Фрегат „Паллада“» обессмертила имя этого корабля. Шлюп «Сенявин» был построен в 1826 году

специально для экспедиции по исследованию районов Тихого океана и Берингова моря. Руководил экспедицией капитан-лейтенант Ф. Литке. Помимо подробных описаний вновь открытых островов, гидрологических и метеорологических наблюдений впервые на Тихом океане были произведены гравитационные исследования, собраны ценные коллекции по ботанике, зоологии, минералогии и этнографии. В августе 1848 года из Кронштадта под руководством капитан-лейтенанта Г. Невельского вышел военный транспорт «Байкал», предназначенный для перевозки грузов Русско-американской компании из Кронштадта на Камчатку. Прибыв на Камчатку на три месяца раньше установленного срока, Невельской, вопреки желаниям царских сановников, использовал время для исследования устья реки Амур: тщательно изучил Амурский лиман, доказал возможность его для судоходства и определил, что Сахалин — остров. Составитель И. Смирнов предоставляет результаты дальневосточных экспедиций, что обогатили русскую и мировую науку. Новые острова, проливы, рифы, бухты и мысы, уточненные карты. В материалах книги четко прослеживается заложенная Литке традиция: называть географические объекты в честь русских «кораблей-первооткрывателей». Именем фрегата «Аскольд» названы остров и пролив в заливе Петра Великого в Японском море; в честь корвета «Новик» — банка в заливе Чихачева и бухта в заливе Петра Великого; клипер «Стрелок» дал свое имя заливу в Японском море, а клипер «Разбойник» — бухте в заливе Петра Великого. В географических названиях увековечены имена первопроходцев С. Дежнёва и В. Беринга и их последователей. Герои книги не только корабли, но и люди. Легендарные имена: Кацебу. Крузенштерн, Лисянский, Литке, Нахимов, Путятин, Невельской... В XX веке на смену парусным судам пришли паровые, новый век поставил перед тихоокеанским флотом новые задачи — защиты своих рубежей. Сжато, емко рассказано о легендарных кораблях-участниках Русско-японской войны 1904—1905 годов. Эскадренный миноносец «Стерегущий», что в неравном бою у Порт-Артура повредил два японских миноносца, но затонул от боевых повреждений, почти весь экипаж погиб. Блокированная в Чемульпо канонерская лодка «Кореец», чей экипаж отказался капитулировать, вступил в бой и, оказавшись в безвыходном положении, взорвал канлодку. Драматическая история крейсера «Варяг». Участники Русско-японской войны: броненосец береговой охраны «Адмирал Ушаков», крейсера «Пересвет» и «Аскольд», бронепалубный крейсер «Аврора». У каждого своя замечательная история. Длинный послужной список и у однотипных ледокольных пароходов «Таймыр» и «Вайгач», построенных в 1909 году для Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана. «Таймыр» в 1938 году участвовал в снятии со льдины членов дрейфующей станции, возглавляемой Папаниным. Длинный послужной список и у сторожевых кораблей «Ленин» и «Метель». Монитор «Ленин» (первоначальное название «Шторм») в войне с Японией в 1945 году обеспечивал высадку десанта, поддерживал наступление сухопутных войск; корабль «Метель» в 1941—1945 годах вел дозорную службу, проводил торговые суда через минные поля, конвоировал транспорты, патрулировал. Заканчивается эта маленькая энциклопедия упоминанием сторожевого корабля «Приморский комсомолец» и ракетного крейсера «Варяг», названного так в честь своего героического предшественника, что достойно несут свою службу.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)